РАССЛЕДОВАНИЕ УБИЙСТВ

В. И. ШИКАНОВ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ

Иркутск, 1979

В. И. ШИКАНОВ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ И ПРАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Иркутск 1979

МИНИСТЕРСТВО ВЫСШЕГО И СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ РСФСР
ИРКУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
им. А. А. ЖДАНОВА

В. И. ШИКАНОВ

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКАЯ ВИКТИМОЛОГИЯ И ПРАКТИКА РАССЛЕДОВАНИЯ УБИЙСТВ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Иркутск 1979

Печатается по решению Редакционно-издательского совета Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова

Учебное пособие «Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств» предназначено для студентов юридического факультета, изучающих спецкурс «Расследование убийств». Работа посвящена отдельным вопросам сравнительно нового направления в криминалистике, связанного с изучением потерпевшего (жертвы) как одного из основных структурных элементов криминалистической характеристики преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности.

Шиканов В. И. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств. Учеб. пос. /Иркутский гос. ун-т им. А. А. Жданова, 1979, 1—45.

© Иркутский государственный университет им. А. А. Жданова, 1979 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Сущность криминалистической виктимологии и генезис ее становления 5

Предмет и структура криминалистической виктимологии . . 10

Функции криминалистической виктимологии 13

Место криминалистической виктимологии в системе научного знания 16

Изучение личности потерпевшего и уголовно-процессуальная форма 22

Исследование трупа и уголовно-процессуальная форма . . . 35

ВВЕДЕНИЕ

Криминалистическая виктимология[1] — одно из сравнительно новых научных направлений в криминалистике, нацеленных на разработку научно обоснованных рекомендаций, реализация которых в соответствии с программным требованием искоренения преступности в нашей стране и всех причин, ее порождающих, призвана еще более повысить эффективность деятельности правоохранительных органов. Названное направление связано с криминалистическим аспектом изучения жертвы преступления; перед ним стоит задача — на основе данных о потерпевшем оптимизировать процесс раскрытия преступлений. Практическая значимость глубокой разработки этой проблемы вполне очевидна; полученные результаты послужат надлежащей организации расследования ряда категорий преступлений, которые могут быть представлены в виде системы: «преступник— жертва — среда», и прежде всего тяжких преступлений против личности граждан, в частности, умышленных убийств.

Становление криминалистической виктимологии как идеального системного образования[2], а соответственно и большая ее «отдача» следственной практике предполагают обширный комплекс исследований, осуществляемых на различных «срезах», учитывающих разнообразные аспекты криминалистической виктимологии и ее взаимосвязи с другими структурными элементами науки криминалистики, а также с иными дисциплинами криминалистического цикла на основе принципов и с помощью познавательных процедур системного подхода.

---

[1] Виктимология — в буквальном переводе с латинского означает «учение о жертве». Прилагательное «криминалистическая» подчеркивает его направленность.

[2] Объект может быть классифицирован как система при наличии ряда условий. Широко известно определение системы как совокупности элементов, находящихся во взаимодействии (см. Берталанфи Л. Общая теория си-

С методологических позиций анализ любой сложной системы[3] предполагает ее рассмотрение и в статике, и в динамике. Движение, динамика системы проявляет себя не только как ее функционирование, но и как развитие — возникновение, становление, эволюционирование, преобразование и другие возможные изменения. Таким образом, системный подход в исследовании криминалистической виктимологии как сложного идеального системного образования должен включать три взаимосвязанные плоскости — сущностную, функциональную, историческую.

Как системный объект криминалистическая виктимология состоит из взаимосвязанных элементов и, кроме того, в соответствии с принципом целостности сама выступает в качестве элемента системы более высокого порядка; такой системой является наука криминалистика в целом. Вычленение системообразующих элементов криминалистической виктимологии может быть подчинено различным задачам и тем самым может обусловить направленность соответствующих изысканий: определение предмета виктимологических исследований в криминалистике, изучение структуры криминалистической виктимологии как частной криминалистической теории, выработка практических рекомендаций, необходимых для нужд следственной практики, и др.

Нами сделана попытка рассмотреть некоторые из указанных аспектов криминалистической виктимологии. Анализ этого научного направления целесообразно начать с сущности криминалистической виктимологии и хотя бы краткого исторического экскурса, что позволит глубже понять ее современное состояние и перспективы дальнейшего развития.

стем — критический обзор.— В кн.: Исследования по общей теории систем. М., 1969). Из этого определения следует, что основными признаками любой системы являются взаимосвязь и взаимозависимость ее элементов.

В методологической литературе по общей теории систем различают два вида системных образований — материальные и идеальные. К первому относят элементарные частицы, атом и его ядро, живую материю, общественные отношения. Различного рода логические построения, а также области научного познания рассматриваются как системы идеальные. Криминалистическая виктимология — идеальный системный объект, поскольку она изучает определенную область реальной действительности, воспроизводя ее в положениях научной теории. (О советском праве как системе подробнее см.: Алексеев С. С. Советское право как система, методологические принципы исследования.— Советское государство и право, 1974, № 7).

[3] В иерархии уровней системных образований место наиболее сложных занимают социальные системы. Право — специфическое социальное явление. Правовые системы, также имея определенную специфику, по своей сложности примыкают к системам социальным.

СУЩНОСТЬ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ И ГЕНЕЗИС ЕЕ СТАНОВЛЕНИЯ

Системный подход к познанию преступления — и на теоретическом уровне, и в практической деятельности по расследованию и судебному разбирательству уголовных дел — обязывает учитывать детерминированность действий преступника рядом факторов субъективного и объективного свойства.

К субъективным факторам относятся цель, мотив, интерес, потребность. К объективным — предмет преступного посягательства во всем многообразии его взаимосвязей с окружающей средой, средства достижения цели. В категориальном членении преступного поведения, как и любой другой деятельности человека, ведущей всегда оказывается цель.

Цель как предвосхищение будущего включает в себя опыт, конкретные условия и, как правило, целый ряд возможностей. Природа цели субъективна, поскольку общество есть «не что иное, как деятельность преследующего свои цели человека»[4]. В то же время каждая поставленная человеком цель всегда имеет объективные предпосылки. Как отмечал В. И. Ленин, «на деле цели человека порождены объективным миром и предполагают его,— находят его как данное, наличное. Но кажется человеку, что его цели вне мира взяты, от мира независимы («свобода»)»[5]. Таким образом, объективные материальные основы возникновения потребностей и интересов субъекта обусловливают границы и направление его деятельности. Однако цель сама по себе выступает лишь как предпосылка деятельности. Реализовать цель возможно только соединив ее с определенными средствами; без этого можно стремиться к цели, но нельзя ее достичь.

---

[4] Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 2, с. 102.
[5] Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 29, с. 171.

Приведенные положения имеют для криминалистов значение методологических принципов, во многом предопределяющих стратегию и тактику расследования преступлений.

Исследование материальной обстановки места происшествия не должно ограничиваться задачей получения информации относительно характера физических действий субъекта преступления — возможности криминалиста значительно шире. Мысленно восстанавливая обстановку места происшествия в ее первоначальном виде как среду, в которой преступнику надлежало действовать, следователь «получает доступ» для анализа условий, которые определили в той или иной степени механизм совершения данного преступления. Это позволяет конструировать обоснованные версии относительно личности преступника и мотивов, которыми он руководствовался. Целевая направленность и мотивы действий правонарушителя обусловливают средства совершения преступления, и это также должен принять во внимание следователь.

Существенно предопределяют механизм совершения деликта различного вида связи (или отсутствие некоторых из них) между преступником и объектом посягательства, в частности, потерпевшим [6]. При расследовании преступлений против жизни указанное обстоятельство нередко приобретает решающее значение для следствия. Данные, свидетельствующие о знании преступником условий жизни потерпевшего, должны быть тщательно проанализированы, поскольку такая осведомленность могла повлечь способ совершения преступления, недоступный для посторонних лиц. Также следует учитывать и сведения о поведении и поступках потерпевшего, находящегося в той или иной связи с данным преступлением.

Чрезвычайно важна здесь и другая сторона указанной закономерности. Упомянутые и иные возможные связи между преступником и его жертвой (родственные, любовные, служебные, экономического характера и пр.) не только проявляют себя в особенностях механизма конкретного преступления, но всегда

---

[6] Виктимологическое понятие «жертва преступления» не однозначно уголовно-процессуальному термину «потерпевший». Последним, как известно, при определенных условиях охватываются и близкие родственники лиц, погибших в результате преступного посягательства на них. В данной работе (если не оговорено иное) термины «потерпевший от преступления», «жертва преступления», «пострадавший от преступления» используются как синонимы и вне связи с требованиями, предъявляемыми в уголовном судопроизводстве к процедуре признания лица потерпевшим, т. е. участником уголовного процесса, имеющим определенные права и несущим обязанности, предусмотренные уголовно-процессуальным законом.

влекут и соответствующие изменения в вещной обстановке и сознании людей. Такие материальные и интеллектуальные следы выступают как сигнальнознаковое выражение несомой ими информации о событии преступления. Отсюда следует, что ретроспективный анализ данных виктимологического характера открывает перед криминалистами дополнительные возможности для расследования преступлений с наименьшими затратами сил и времени.

В рамках названного научного направления и осуществляются теоретические разработки соответствующей проблематики.

Исторически положения криминалистической виктимологии складывались в криминалистической области знания и прежде всего в практической деятельности по расследованию преступлений. Истоки этого процесса можно обнаружить еще в «донаучном» прошлом криминалистики. Уже в первых фундаментальных работах, знаменовавших собой рождение криминалистической науки, содержались вполне конкретные и обоснованные рекомендации об использовании при расследовании преступлений сведений о связи преступника и потерпевшего, о приемах и методах установления соответствующих фактических данных и т. д.

Так, еще Г. Гросс обратил внимание на обычно ускользавшую от внимания следователя деталь — совершению кражи обычно предшествуют контакты преступника со своей жертвой, устанавливаемые им обычно скрытно, с целью разведки. Автор подчеркнул устойчивость таких проявлений в стадии подготовки к совершению преступления и указал, каким образом следователь должен это обстоятельство использовать[7]. Он же неоднократно отмечал значение установления личности погибшего при расследовании дел об убийстве и описал немало соответствующих тактических и технических приемов, которые не утратили значения и в настоящее время[8]. Выводы Г. Гросса базируются на обширном эмпирическом материале; имеют они и определенное теоретическое обоснование.

В связи с этим можно назвать работы и других авторов из числа основоположников науки криминалистики, а также судебных медиков, вклад которых в разработку ряда проблем криминалистики — в том числе виктимологической направлен-

---

[7] См.: Гросс Г. Руководство для судебных следователей как система криминалистики. СПб., 1908, с. 832—837.

[8] Там же, с. 199, 202—203, 805—806 и др.

ности — весьма значителен[9]. Велико, в частности, значение получившей широкую известность и признание книги Н. С. Бокариуса, в которой детально разработаны приемы и методы установления при расследовании трупа личности погибшего[10]. Не менее высоко следует оценить «Практическое руководство к расследованию преступлений», подготовленное И. Н. Якимовым. В этом труде много тонких наблюдений и выводов, основанных на глубоком анализе некоторых связей, закономерно возникающих между убийцей и его жертвой[11]. Аналогичные положения находим в книгах С. Н. Трегубова[12] и А. Вайнгарта. Последний сделал интересную попытку сориентировать работников следствия, в производстве которых находится дело об убийстве, в поиске виновного на основании данных об орудии преступления, способа совершения посягательства и гипотез о мотивах преступника и его отношения к своей жертве[13].

Уделив столь серьезное внимание личности потерпевшего как источнику сведений, имеющих важное значение для установления преступника, авторы названных работ не дали — в силу объективных условий не могли дать — соответствующих теоретически обоснованных концепций. С позиций сегодняшнего дня криминалистики, которая, пройдя этап систематизации, классификации и первичного осмысливания накопленного эмпирического материала, вступила в своем развитии в стадию разработки общей криминалистической теории и ее методологии, изыскания пионеров криминалистики в области криминалистической виктимологии, естественно, выглядят более чем скромно, но это, разумеется, нисколько не умаляет их значения.

Качественно новый этап в поступательном развитии виктимологического аспекта криминалистических знаний знаменует

---

[9] В литературе обычно указывают, что наука криминалистика зародилась в результате потребностей практики борьбы с преступностью, в недрах уголовного процесса. Это недостаточно полно отражает действительное положение вещей, поскольку пионерами в разработке ряда проблем, в последующем «отошедших» в сферу криминалистики, были судебные медики, проявившие себя в этом плане еще до того, как криминалистика сформировалась в качестве самостоятельной науки. И до настоящего времени немало вопросов, составивших круг «пограничных» проблем, разрабатывается и в судебной медицине, и в криминалистике.

[10] См.: Бокариус Н. С. Первоначальный наружный осмотр трупа при милицейском и розыскном дознании. Харьков, 1925, с. 421—432.

[11] См.: Якимов И. Н. Практическое руководство к расследованию преступлений. М., 1924, с. 179.

[12] См.: Трегубов С. Н. Основы уголовной техники. Научно-технические приемы расследования преступлений. Пг., 1915, с. 46—58.

[13] См.: Вайнгарт А. Уголовная тактика. Руководство к расследованию преступлений. Овруч, 1910, с. 417—419, 422—440.

исследования нового поколения советских криминалистов, отдавших свои знания и опыт совершенствованию методики расследования убийств и других преступлений против здоровья, свободы и достоинства граждан,— В. П. Колмакова, Г. И. Кочарова, Г. Н. Мудьюгина, Д. П. Рассейкина и др. В этой плеяде криминалистов особо следует отметить Г. Н. Мудьюгина, который посвятил свою диссертацию разработке методики расследования убийств по делам, возбуждаемым в связи с исчезновением потерпевшего [14].

В решении этой сложной проблемы автор впервые поставил в центре внимания личность потерпевшего, его поведение и значение названных элементов криминогенной ситуации в раскрытии, расследовании и предупреждении преступлений. Значение некоторых сформулированных автором теоретических положений обогатили не только методику расследования названного вида преступления, но и следственную тактику и методику расследования в целом. Так, следует расценить вывод о том, что не всякая связь между преступником и его жертвой определяет выбор правонарушителем способа совершения преступления, а лишь такая, которая отвечает определенным условиям: а) связь эта должна быть непосредственной и достаточно близкой; б) она должна носить бытовой, личностный характер; в) об этой связи должны знать окружающие; г) преступник осознает осведомленность окружающих относительно его связи с потерпевшим.

Работа Г. Н. Мудьюгина существенно активизировала развитие криминалистической виктимологии, так как наглядно показала значимость указанной проблематики для нужд следственной практики. Дала она толчок и для развития виктимологического направления в криминологии [15].

Изложенное позволяет нам не согласиться с высказанным в литературе мнением, согласно которому криминалистическая виктимология зародилась в недрах криминологии и отпочковалась от виктимологии — одного из направлений этой науки, которое начало формироваться только в самое последнее время[16]. Сказаное не означает отрицания взаимосвязей криминалистической виктимологии с криминологией. Есть все основания утверждать, что работы криминологов в плане познания феномена предрасположенности определенных категорий граждан

[14] Эта работа Г. Н. Мудьюгина была опубликована в 1970 г.

[15] Это обстоятельство справедливо было отмечено в литературе.— См.: Франк Л. В. Виктимология и виктимность. Душанбе, 1972, с. 25.

[16] В качестве научного направления виктимология начала формироваться только после 1947 г.— См.: Франк Л. В. Виктимология и виктимность, с. 16.

2 Заказ № К-289

к тому, чтобы стать жертвой конкретного преступления[17], сами оказали активизирующее влияние на углубление и расширение исследований в области криминалистической виктимологии.

Последнему обстоятельству в немалой степени содействовала и последовательная позиция высшего судебного органа нашей страны. В ряде руководящих постановлений Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судей на необходимость самого тщательного выявления данных о личности потерпевшего, взаимоотношений его с преступником и роли в возникновении криминогенной ситуации, поскольку «выявление всех этих данных необходимо не только для определения степени общественной опасности подсудимого и для учета при назначении наказания, но и в ряде случаев может иметь значение для раскрытия обстоятельств преступления и в особенности мотивов его совершения»[18].

Таким образом, криминалистическая виктимология прошла большой путь становления, который фактически равен истории развития теории и практики расследования преступлений. В настоящее время расширение и углубление тезауруса виктимологического направления в криминалистике связано с созданием теоретического базиса и переходом на более высокий, теоретический уровень научного знания. Этот процесс проявляет себя все более отчетливо. Полагаем, что криминалистическая виктимология формируется как частная криминалистическая теория. В настоящее время в основном уже определены ее предмет и объект, расширяются и совершенствуются методы исследования, уточняются и конкретизируются функции, углубляются связи с другими научными направлениями и дисциплинами криминалистического цикла.

ПРЕДМЕТ И СТРУКТУРА КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

При определении предмета криминалистической виктимологии нельзя не учитывать, что она как область научного знания формируется в соответствии с определенными логико-методологическими принципами. Важнейший из них — обязательное соответствие системы знаний природе объекта, кото-

[17] Франк Л. В. Виктимология и виктимность, с. 16; Он же. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Душанбе, 1977.

[18] Постановление Пленума Верховного Суда СССР от 4 июня 1960 г. «О судебной практике по делам об умышленном убийстве».— В кн.: Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1970 гг. М., 1970, с. 433—448.

рый она отражает. Целесообразно использовать и такие познавательные принципы системного подхода, как принцип функциональной зависимости и принцип включения. В нашем случае они позволяют путем «включения» криминалистической виктимологии в систему криминалистических знаний (наука криминалистика), а названной науки в систему еще более высокого уровня — систему наук, экстраполировать некоторые характеристики вышестоящих систем на системы низшего уровня, поскольку они являются их элементами. Такой прием дает возможность от функций науки в целом перейти к функциям науки криминалистики и от ее функций к функциям одного из системообразующих элементов криминалистики — криминалистической виктимологии.

«Каждая подлинная наука,— подчеркивает Б. М. Кедров,— имеет своей главной задачей открытие, познание законов соответствующего круга явлений»[19]. Лишь на этой базе возможно проявление ее функций: объяснение сущности изучаемых явлений, предсказание изменений в изучаемом явлении, обобщение фактов, их систематизация и т. д.[20]

Криминалистика, как и всякая другая наука, познает определенные закономерности и основывается на них в своем развитии.

Требование, о котором идет речь, сохраняет силу и в отношении криминалистической виктимологии как одного из элементов, образующих систему науки криминалистики. Однако и криминалистическую виктимологию при определении ее предмета следует рассматривать как системное образование. Только выделяя элементы, образующие эту систему, и учитывая характер их взаимодействия между собой и с элементами вышестоящего уровня (система науки криминалистики), можно определить предмет криминалистической виктимологии.

Такими элементами, по нашему мнению, являются:

а) потерпевший от преступления (его социальные, моральные, психологические и иные качества, имеющие значение в плане совершенствования тактики и методики расследования преступлений);

б) взаимосвязи, взаимозависимости, которые закономерно возникают между преступником и его жертвой, обусловливая генезис и последующую динамику правонарушения, включая действия, направленные на сокрытие преступления и его следов;

---

[19] Кедров Б. М. Предмет и взаимосвязь естественных наук. М., 1962, с. 18.

[20] Подробнее о функциях науки см.: Там же, с. 17—19.

в) различные материальные и идеальные следы — результат взаимосвязи преступника и жертвы, которые необходимо выявить и исследовать в целях эффективного выполнения задач уголовного судопроизводства;

г) труп как источник информации о личности потерпевшего и иных уголовно-релевантных данных о пострадавшем (применительно к задаче раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против жизни граждан).

Не имея возможности подробно остановиться на анализе каждого из выделенных элементов предмета криминалистической виктимологии, полагаем необходимым обосновать включение в этот предмет закономерностей, связанных с сокрытием преступления и его следов. Здесь следует иметь в виду следующее.

Каждое преступление — сложная система идеальных и реальных действий правонарушителя, направленных не только непосредственно на достижение преступного результата, но и на решение многих сопутствующих задач. Такая система, имея определенную структуру и внутреннюю логику развития, проявляет себя во внешней среде как в момент преступного посягательства, так и до этой кульминационной фазы, а также когда преступление окончено. Таким образом, позиция правонарушителя (иногда потерпевшего и иных лиц) по отношению к сокрытию преступления и его следов далеко не автономна, а в каждом случае определяется конкретными обстоятельствами реальной действительности. Последние могут быть связаны с личностью потерпевшего, и этот факт также может быть успешно использован при конструировании следственных версий о лице, совершившем преступление. Практика расследования преступлений подтверждает это достаточно убедительно.

Открытие законов науки — не самоцель. Процесс этот, как указывает Б. М. Кедров, ведет к раскрытию еще одной существенной функции, которая присуща любой науке, практической направленности, реализуемой через связь теории с практикой. В криминалистике названная функция проявляет себя при разработке технико-криминалистических средств и методов раскрытия, расследования и предотвращения преступлений, использования их в практике борьбы с преступностью. Отсюда вывод — соответствующие средства и методы судебного исследования и предотвращения преступлений также являются элементами системы предмета криминалистической виктимологии.

Предмет криминалистической виктимологии — не застывшая схема. Являясь диалектическим единством постоянства и изменчивости, эта система развивается, совершенствуется: в соответ-

ствии с требованиями следственной практики и новыми возможностями, появляющимися в связи с достижениями естественных и технических наук, меняется «удельный вес» отдельных структурных элементов и их отношений, появляются новые компоненты, также требующие углубленного анализа, и т. д.

В настоящее время структурные элементы криминалистической виктимологии составляют два блока, информационно связанные по вертикали.

В первый блок входят структурные элементы, которые на теоретическом уровне обеспечивают моделирование реальной действительности, подлежащей ретроспективному установлению в процессе расследования, на основе анализа действий потерпевшего — физического лица; во второй — используемые для моделирования уголовно-релевантных признаков личности потерпевшего (и иных обстоятельств, значимых в уголовно-процессуальном или криминалистическом аспекте) на основе исследования его трупа. Эту подструктуру мы называем криминалистической кадаврологией [21].

В будущем нельзя исключить появление новых структурных элементов предмета криминалистической виктимологии, которые составят еще один информационный узел (блок), связанный с изучением в криминалистическом аспекте данных о юридических лицах — потерпевших от преступления (особенности структуры предприятий, технологические процессы и другие параметры производственной деятельности, обусловливающие способы совершения хищений и пр.). Этот прогноз, разумеется, требует специального обоснования. Не ставя перед собой такой задачи, мы хотели лишь показать, что считаем указанную перспективу вполне реальной.

Рассмотрение предмета и структуры криминалистической виктимологии не могло не затронуть функциональный аспект этой системы, поскольку они теснейшим образом связаны. Тем не менее мы остановимся на этом вопросе несколько подробнее, учитывая его особую практическую значимость.

ФУНКЦИИ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ

Ранее мы постарались обосновать тезис, согласно которому при расследовании ряда преступлений необходима научно обоснованная криминалистическая интерпретация данных виктимологического характера. Отсюда следует вывод, что в каче-

[21] В переводе с латинского — учение о трупе.

стве основной функции криминалистической виктимологии выступает соответствующее информационное обеспечение деятельности прокурорско-следственных и судебных органов, направленной на выполнение задач уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Назначение криминалистической виктимологии здесь сформулировано в самом общем виде. Это необходимый этап: изучение сложных явлений всегда целесообразно начинать с общих принципов и представлений. В качестве следующего шага надлежит создать иерархию функций криминалистической виктимологии. Определяющим при выполнении этой задачи должно явиться следующее положение. «Преступник» и «жертва» проявляют себя не только как системы сами по себе и не только как части более пространной системы «преступление», они, кроме того, являются важнейшими структурными элементами криминалистической характеристики преступлений. Отсюда следует, что виктимологические исследования в криминалистике необходимо корректировать, учитывая специфику расследования отдельных видов (подвидов) преступлений. Такой подход позволит выработать наиболее совершенные методические рекомендации, нацеленные на всестороннее, полное и объективное разрешение уголовных дел различных категорий.

Таким образом, иерархия функций криминалистической виктимологии на своем низшем, «рабочем» уровне призвана разработать конкретные тактические приемы и иные рекомендации для решения тактических задач, возникающих перед следственными органами в типовых следственных ситуациях с потерпевшим — лицом, которому преступлением причинен физический, моральный или материальный вред.

Не претендуя на полноту изложения, отметим некоторые функции криминалистической виктимологии названного уровня, прежде всего применительно к задачам расследования некоторых составов преступлений против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности:

а) выработка тактических рекомендаций, позволяющих оптимизировать установление уголовно-релевантных качеств личности потерпевшего. Определяющим здесь, естественно, является состав преступления, предусмотренный уголовным законом: убийство, совершенное в связи с выполнением потерпевшим своего служебного долга; убийство женщины, заведомо для виновного находившейся в состоянии беременности — ст. 102 УК РСФСР; убийство новорожденного ребенка —

ст. 106 УК ТаджССР; убийство, вызванное насилием или тяжким оскорблением со стороны потерпевшего,— ст. 104 УК РСФСР; изнасилование несовершеннолетней; изнасилование с использованием беспомощного состояния потерпевшей — ст. 117 УК РСФСР; половое сношение с лицом, не достигшим половой зрелости,— ст. 119 УК РСФСР и т. д.

б) создание криминалистически значимой классификации типологических свойств личности потерпевшего с учетом данных о предрасположенности определенных категорий граждан к тому, чтобы стать жертвой конкретного преступления. Исследования криминалистов в этой области находятся еще в начальной стадии, когда важно найти методологически правильный «подход» к решению проблемы. Полагаем, что ошибок будет допущено меньше, если использовать психологические структуры личности, которые уже разработаны специалистами. Перспективна, по нашему мнению, классификация, предложенная К. К. Платоновым. Она учитывает обусловленность психики каждого человека социальными и биологическими свойствами и распределяет все многообразие психологических черт личности по четырем подструктурам и двум общим свойствам [22]. Более дробной классификации криминалистам, видимо, не потребуется;

в) совершенствование познавательных средств следователя применительно к задаче максимально полного использования данных о личности потерпевшего и его связях с преступником. В этом плане актуальны усилия по углублению наших знаний относительно традиционных приемов и методов (следственная версия), а также тех, научная разработка которых еще явно отстает от потребностей практики (идеальные криминалистические модели). Следует иметь в виду, что научная разработка проблемы конструирования и проверки следственных версий далеко еще не исчерпана (например, управленческий и праксеологический ее аспекты). Требуют разрешения вопросы о разграничении понятий «версия» и «модель», о разработке конкретных рекомендаций по комплексному использованию этого инструментария;

г) совершенствование тактики проведения отдельных следственных действий с участием потерпевшего (тактика допроса потерпевшего, страдающего тем или иным физическим недостатком; тактика допроса потерпевшего — гражданина иностранного государства и т. д.);

---

[22] См.: Платонов К. К. О системе психологии. М., 1972, с. 129—130.

д) обоснование рекомендаций в плане криминалистического значения улик поведения, обусловленных связью «преступник — жертва — среда»;

е) разработка рекомендаций, призванных облегчить задачу своевременного выявления различного рода инсценировок «под потерпевшего», предпринимаемых преступником с целью ввести следствие в заблуждение (к примеру, диагносцирование самоповреждений);

ж) постановка задач перед другими дисциплинами криминалистического цикла. Так, перед наукой уголовного процесса давно уже стоит проблема — обосновать необходимость принятия специальной нормы, регламентирующей порядок возможного получения от потерпевшего образцов (проб) продуктов жизнедеятельности его организма, дать рекомендации о возможных случаях принудительного освидетельствования потерпевшего и т. д. Судебная медицина в соответствии с потребностями криминалистической практики совершенствует имеющиеся и разрабатывает новые методики установления личности потерпевшего по его трупу и т. д.

Нетрудно заметить, что многие из названных вопросов связаны с «пограничными» и «общими» объектами, изучаемыми рядом научных направлений криминалистики и иными дисциплинами криминалистического цикла. В связи с этим представляет интерес рассмотрение криминалистической виктимологии в аспекте уяснения ее места в системе научного знания.

МЕСТО КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ ВИКТИМОЛОГИИ В СИСТЕМЕ НАУЧНОГО ЗНАНИЯ

Исследование вопроса о месте криминалистической виктимологии в системе научного знания предполагает анализ ее связей и отношений с другими структурными элементами криминалистики, науками, непосредственно «сотрудничащими» с криминалистикой, а через них и с науками в той или иной мере от нее отдаленными. При этом могут быть выделены и иметь значение связи различного вида: субординационные, координационные, развития, функционирования, генетические. Мы рассмотрим в самых общих чертах некоторые виды связей криминалистической виктимологии, проявляющие себя в пределах науки криминалистики и ее непосредственном окружении.

Криминалистическая виктимология как частная криминалистическая теория и наука криминалистика соотносятся как целое и часть. Соответственно криминалистическая виктимология

имеет немало общего и тесно взаимодействует с рядом других теоретических построений криминалистики, в частности, с криминалистическим учением о способе совершения преступлений[23] и тактикой доказывания[24]. При этом и в «пограничных» областях можно обнаружить и вычленить вопросы, связанные с отдельными тактическими задачами следователя, имеющие виктимологическую направленность. Например, обусловленность выбора правонарушителем способа совершения преступления в зависимости от его отношений с потерпевшим позволяет оптимизировать процесс выдвижения и проверки следственных версий о субъекте преступления и ускорить изобличение виновного.

В указанной области научного знания (наука криминалистика и ее непосредственное окружение) обнаруживают себя — хотя и в разной мере — все поименованные ранее виды связи криминалистической виктимологии. Так, связь координации проявляет себя в том, что теоретические понятия и практические рекомендации криминалистической виктимологии оцениваются с позиций законов и принципов науки криминалистики, что взаимно обогащает их. Последнее обстоятельство в свою очередь следует расценить как связь развития. Процесс зарождения и последующего становления криминалистической виктимологии характеризует ее генетическую связь с наукой криминалистикой (и судебной медициной). Технико-криминалистические средства, научные приемы и методы, разрабатываемые в рамках криминалистической техники, тактики и других структурных элементов криминалистики, и соответствующие рекомендации криминалистической виктимологии используются при решении задач уголовного судопроизводства в тесной взаимосвязи — это связь функционирования и т. д.

Содержание криминалистической виктимологии, в частности, ее объект как предметная область, в которой проявляются закономерные связи между преступником и его жертвой, определяют место этой частной криминалистической теории в струк-

---

[23] См.: Зуйков Г. Г. Методологическое значение изучения способов совершения преступлений.— В кн.: Криминалистика. М., 1969, т. 1; Он же. Установление способа совершения преступления. М., 1970.

[24] См.: Турчин Д. А. Тактика доказывания как предмет методики расследования преступлений.— В кн.: Методика расследования преступлений. Общие положения. Материалы Одесской научной конференции (ноябрь, 1976 г.). М., 1976; Шиканов В. И. Совершенствование тактики доказывания как одно из средств повышения эффективности предварительного следствия.— В кн.: Криминалистические аспекты повышения эффективности работы милиции. Рига, 1978; Он же. О теории и тактике доказывания.— В кн.: Вопросы криминалистической тактики. Ташкент, 1978.

туре науки криминалистики. Определяющим при этом является и то, что изучение отношений «преступник — жертва — среда» в криминалистическом аспекте нацелено на разработку методики расследования преступлений (общих вопросов методики расследования преступлений, отдельных видов преступлений, частных методик расследования отдельных однородных групп преступлений данного вида). Все это позволяет прийти к выводу, что криминалистическая виктимология должна занять свое место именно в этом разделе криминалистики — и как науки, и как учебной дисциплины.

Теоретически и практически важен вопрос о соотношении криминалистической виктимологии с другими структурными элементами следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений. Особый интерес представляет связь криминалистической виктимологии с одним из важнейших компонентов методики расследования — криминалистической характеристикой преступлений.

Понятие «криминалистическая характеристика преступлений» многозначно. Употребляют этот термин, имея в виду и криминалистически значимые обстоятельства конкретного преступления, и общую картину, охватывающую условия правильной организации расследования того или иного вида преступлений, и те же условия, но в отношении группы однородных преступлений данного вида и т. д. Это в определенной мере объясняет различия в соответствующих определениях, которые предложили криминалисты в последнее время: авторы подчеркнули разные аспекты криминалистической характеристики преступлений — понятия, имеющего сложное, комплексное содержание[25].

Мы рассматриваем криминалистическую характеристику преступлений как научную абстракцию, отражающую — в основном на статистическом (вероятностном) уровне — данные о приемах подготовки и способах совершения отдельных видов (подвидов) преступлений; ситуационно обусловленные процессы возникновения и исчезновения соответствующих изменений во внешней среде, могущих выступать в качестве судебных доказательств; предпринимаемые преступными и иными лицами попытки к сокрытию следов преступления, а также информацию о типичных следственных ситуациях и иных обстоятельствах, которые

---

[25] См.: Возгрин И. А. Общие положения методики расследования отдельных видов перступлений. Л., 1976; Селиванов Н. А. Криминалистическая характеристика преступлений и следственные ситуации в методике расследования преступлений. – Социалистическая законность, 1977, № 2; Танасевич В. Г., Образцов В. А. О криминалистической характеристике преступлений.— В кн.: Вопросы борьбы с преступностью. М., 1976 вып. 5.

имеют значение для полного, всестороннего и объективного расследования уголовных дел. Важным моментом формирования криминалистических характеристик преступлений выступает прогнозирование новых способов их совершения, выявление типичных версий защиты, всевозможных уловок и ухищрений со стороны правонарушителей.

«Набор» структурных элементов, составляющих ядро любой криминалистической характеристики преступлений, постоянен: личность преступника и его целевая установка, объект преступного посягательства, способ совершения преступления, способ сокрытия преступления и его следов. В то же время эти элементы динамичны и существенно варьируют в зависимости от особенностей данного вида (подвида) преступления.

В качестве одного из практически значимых структурных элементов криминалистической характеристики преступлений против личности — прежде всего умышленных убийств — выступает фигура потерпевшего. Такой акцент понятен, поскольку личностные качества потерпевшего и характер связи «жертва — субъект преступления» накладывают отпечаток и на механизм совершения преступления, и на особенности организации раскрытия указанных преступлений, их расследования и профилактики. Таким образом, у криминалистической виктимологии и криминалистической характеристики преступлений (в определенной ее части) один и тот же объект изучения — потерпевший от преступления. Соответственно и здесь имеют место связи взаимодействия, развития, функционирования, генетические. Проявляют себя также и процессы интеграции и дифференциации знаний; являясь постоянно действующим фактором не только развития науки и прогресса в целом, различных «пограничных» наук и научных направлений, эти процессы протекают не менее активно и на уровне отдельных внутринаучных структур.

В последние годы предприняты исследования, направленность и результаты которых наглядно демонстрируют не только тесные связи криминалистической виктимологии с теоретическими разработками криминалистической характеристики преступлений, но и отчетливо проявляют функцию практической направленности виктимологического направления в криминалистике. Мы имеем в виду работы, связанные с обоснованием предложений о типовых версиях относительно лиц, совершивших убийство без очевидцев, а также об использовании количественных показателей, отражающих связь между отдельными элементами криминалистической характеристики умышленных убийств, в том числе и между личностью преступника и потер-

певшего (Л. Г. Видонов, 1977). Следует иметь в виду, что такие статистические показатели имеют для следователя, расследующего конкретное преступление, вероятностное, ориентировочное значение.

Практические работники следственных органов хорошо знают, что самая, казалось бы, вероятная версия нередко оказывается ошибочной. Попытки же верифицировать прежде всего «наиболее перспективную версию» и тем самым «сэкономить» время, отказавшись от малоэффективного систематического перебора всех выдвинутых версий, легко может привести к потери доказательств, ведущих к истине. «Когда мы говорим о типовой версии, типичной ситуации,— обоснованно замечает И. Е. Быховский,— мы не должны забывать, что типичное в данном случае означает наиболее вероятное, а следовательно, наряду с типичными могут иметь место и атипичные явления»[26].

Касаясь дискуссии об очередности проверки версий в процессе расследования преступлений (Л. М. Карнеева, 1968; М. С. Строгович, 1968; А. Р. Ратинов, 1967; А. М. Ларин, 1976), уместно отметить следующее.

Теория игр признает, что во многих случаях наиболее разумными, оптимальными действиями субъекта, принимающего решение, выступает так называемое «рандомизированное поведение». Последнее означает, что признается наилучшим некоторое среднее, «смешанное», компромиссное решение. В частности, при однократном принятии решения теория игр рекомендует «вероятностную смесь», т. е. действия, которые с учетом обобщенных, статистических показателей не являются в данных условиях самыми лучшими. Оптимальность таких «смешанных стратегий», хотя и выглядит несколько необычно, является математическим фактом[27]. В практической деятельности следственных органов это обстоятельство целесообразно иметь в виду.

Важно также не допустить ошибки и в оценке последствий принятия решений, связанных с проверкой следственных версий. Этот праксеологический аспект проблемы обычно должным образом не учитывается. Между тем совершенно недостаточно анализа, дающего возможность получить оценки в

---

[26] Быховский И. Е. Типичные версии и программированное расследование: возможности и перспективы.— В кн.: Актуальные проблемы криминалистики. Материалы для обсуждения на расширенном заседании ученого совета Всесоюзного института Прокуратуры СССР. М., 1979, с. 56.

[27] См.: Воробьев Н. Н. Развитие науки и теория игр.— В кн.: Исследование операций. М., 1972.

отношении истинности тех или иных гипотез, если вопрос рассматривается без учета последствий принятия решения. Эффект осуществления альтернативных мероприятий должен принимать во внимание показатели ожидаемых «упущенных возможностей». При этом из нескольких вариантов следует выбирать тот, при котором ожидаемые «упущенные возможности» будут минимальными.

Задача, таким образом, не должна ограничиваться указаниями относительно осторожного использования данных об «обычном», «типичном» развитии событий в данной ситуации. Следует идти дальше. Необходимы конкретные рекомендации, которые позволят, принимая во внимание состояние объективных условий, сложившихся на данный момент расследования (следственная ситуация), правильно определить границы альтернативных множеств (диапазон реально возможных решений) и обеспечить реальный контроль за всеми источниками доказательственной информации; риск потери доказательств, в том числе и тех, которые могут оказаться необходимыми для проверки «нетипичных», самых маловероятных версий, должен быть сведен к минимуму [28].

На междисциплинарном уровне криминалистическая виктимология также имеет смежные проблемы: с уголовным правом, уголовным процессом, криминологией, судебной медициной и другими дисциплинами. Это обусловлено тем, что все они в той или иной мере связаны с изучением одного и того же объекта — потерпевшего от преступления. Однако при этом каждая из названных дисциплин исследует свой срез, решает свои задачи, использует свои методы.

Так, криминалистику (а соответственно и криминалистическую виктимологию как структурный элемент этой системы) потерпевший от преступления интересует в аспекте совершенствования тактики и методики расследования преступлений; при конструировании ряда норм Общей и Особенной частей уголовного кодекса наука уголовного права оперирует понятием «потерпевший»; для судебной медицины потерпевший (или его труп) — объект исследования судебно-медицинской экспертизы; для криминологии представляет интерес поведение потерпевшего как причина преступления и т. д.

Совершенно очевидно, что при таком положении попытки «монополизировать» указанный объект — как, впрочем, и любой

---

[28] Соответствующие рекомендации нами были даны применительно к задаче установления личности потерпевшего по его трупу.— См.: Шиканов В. И. Информация к тактической операции «Атрибуция трупа». Иркутск, 1975, с. 68—74.

другой — представителями какой-либо одной науки совершенно несостоятельны. В связи с этим отметим одно, как нам представляется, принципиально неверное утверждение, согласно которому виктимология как научное направление современной криминологии якобы призвана «аккумулировать и интегрировать разрозненные данные о потерпевшем, содержащиеся в самых разных дисциплинах»[29]. Наша позиция по этому вопросу не только не исключает, а предполагает тесное взаимодействие криминалистической виктимологии и виктимологического направления в криминологии.

Достижения криминологии, в том числе и результаты виктимологических исследований, проведенных криминологами в последнее время, как и многие другие «посторонние» знания, используются в криминалистике, в частности, в криминалистической виктимологии на двух уровнях: теоретическом и фактологическом. На первом из них криминалисты заимствуют отдельные теоретические положения, частные научные теории, методы исследования, язык и некоторые другие структурные компоненты научного знания; на втором — используются результаты конкретных исследований (например, типологическая дифференциация лиц, обладающих повышенной виктимностью, классификация ситуаций в зависимости от поведения потерпевшего и др.). Этот процесс носит двусторонний характер. Взаимопроникновение знаний способствует прогрессу и в той, и в другой областях юридической науки.

Такое же взаимопроникновение идей и тесные связи (функционирования, субординации, развития и др.) характеризуют отношение криминалистической виктимологии и с другими дисциплинами криминалистического цикла, что позволяет плодотворно решать многие практически значимые вопросы борьбы с преступностью. В частности, именно на этом «стыке» надлежит выработать и совершенствовать рекомендации относительно процессуальных условий изучения личности потерпевшего в уголовном судопроизводстве.

ИЗУЧЕНИЕ ЛИЧНОСТИ ПОТЕРПЕВШЕГО И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА

Обоснование процессуального статуса (правового положения) потерпевшего в уголовном судопроизводстве, а соответственно разработка надлежащей процессуальной процедуры, обеспечивающей соблюдение социалистической законности при

[29] Франк Л. В. Виктимология и виктимность, с. 43.

изучении его личности, выступает как часть более широкой проблемы положения личности, защиты субъективных прав и законных интересов граждан в уголовном процессе.

Проблема защиты субъективных прав и законных интересов граждан в уголовном процессе многогранна. Все более глубокое и последовательное ее решение представляет в настоящее время задачу особо высокого значения. Достаточно сказать, что развитие социалистической демократии, укрепление правовой основы государственной и общественной жизни, усиление охраны прав и законных интересов граждан отнесены XXV съездом КПСС и Конституцией СССР 1977 года к основным направлениям развития советского общества.

Актуальность, а не в меньшей степени и сложность задачи возрастают в связи с тем, что в результате научно-технического прогресса появились принципиально новые возможности, существенно расширяющие пределы изучения личности обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и других участников уголовного процесса с помощью различного рода инструментальных средств и методов. Последнее обстоятельство уже само по себе нередко влечет возникновение трудно разрешимых коллизий морально-этического плана. Разрешение их необходимо прежде всего на уровне теоретических разработок и соответствующего нормативного урегулирования.

В соответствии с положениями общей теории социалистического государства и права комплекс прав и обязанностей, которыми уголовно-процессуальный закон наделяет лиц, потерпевших от преступления, выступает как их специальный правовой статус. Его существование возможно только на основе общего правового статуса гражданина социалистического государства, поскольку любой специльный правовой статус личности всегда представляет конкретизацию, дополнение, а в отдельных случаях известное ограничение общих прав и обязанностей с учетом специфического положения данного субъекта в обществе (индивидуальный правовой статус личности)[30].

Таким образом, вопрос о правах и обязанностях потерпевшего, а соответственно и о уголовно-процессуальной процедуре, связанной с изучением его личности при расследовании преступления, следует рассматривать прежде всего с позиций кон-

---

30 Подробнее об общем, специальном и индивидуальном правовых статусах личности см.: Витрук Н. В. Основы теории правового положения личности в социалистическом обществе. М., 1979, с. 186—191; Строгович М. С. Правовое положение личности в СССР.— В кн.: Конституция общенародного государства. Вопросы теории. М., 1979, с. 185—201.

ституционных прав и обязанностей личности, составляющих содержание общего правового статуса граждан в социалистическом обществе.

В этом аспекте отметим прежде всего конституционный принцип равенства граждан перед Законом (ст. 34 Конституции СССР), а также тот факт, что граждане СССР обладают всей полнотой социально-экономических, политических и личных прав и свобод, провозглашенных и гарантируемых Конституцией (ст. 39). Не менее важны и другие права и свободы граждан, закрепленные в Конституции: гарантированная неприкосновенность личности (ст. 54) и жилища (ст. 55), охрана Законом личной жизни граждан, тайны их переписки, телефонных переговоров и телеграфных сообщений (ст. 56), закрепленные в конституционной норме обязанности государственных органов, общественных организаций и должностных лиц уважать личность граждан, охранять их права и свободы (ст. 57) и др.

Одно из важнейших положений Конституции СССР — закрепление принципа социалистической законности. «Советское государство, все его органы,— записано в Конституции (ст. 4),— действуют на основе социалистической законности, обеспечивают охрану правопорядка, интересов общества, прав и свобод граждан».

Этот принцип, принцип социалистической законности, лежит и в основе деятельности прокурорско-следственных и судебных органов, осуществляющих свои функции по выполнению задач уголовного судопроизводства (ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Рассмотрение правового положения участников уголовного процесса через призму единого, общего правового статуса гражданина социалистического государства позволяет с методологически правильных позиций решать многие практически значимые вопросы уголовного судопроизводства. В частности, становится очевидным, что меры уголовно-процессуального принуждения, а также иные действия со стороны органов следствия и суда, ограничивающие или ущемляющие права подозреваемого, потерпевшего, свидетеля и других участников уголовного процесса могут иметь место лишь в случаях и при соблюдении условий, предусмотренных и точно регламентированных законом (сфера, целевая направленность, характер, порядок и пределы применения и т. д.).

Есть основания признать, что с указанных позиций правовое положение потерпевшего и других участников уголовно-процес-

суальной деятельности не всегда достаточно урегулировано нормативными предписаниями, особенно если учитывать все возрастающую техническую оснащенность не только самих органов следствия и суда, но и учреждений судебной экспертизы. При анализе действующего уголовно-процессуального законодательства можно встретить и неопределенность отдельных предписаний, непоследовательность и противоречивость. Между тем хорошо известно, что укрепление социалистической законности в деятельности правоохранительных органов немыслимо без надлежащего правового регулирования. Не вызывает сомнений и то, что неукоснительное соблюдение при расследовании и судебном разбирательстве уголовных дел всех правовых предписаний создает наиболее благоприятные условия для установления истины и принятия правильных, обоснованных решений. Все это ставит перед криминалистами задачу и впредь разрабатывать соответствующие рекомендации, направленные на внесение в уголовно-процессуальное законодательство дополнений и изменений, продиктованные объективно изменившимися условиями, потребностями жизни, практики.

Остановимся на некоторых вопросах этой проблематики, связанных с нормативным регулированием общественных отношений в сфере уголовного судопроизводства, возникающих между прокурорско-следственными и судебными органами, с одной стороны, и лицом, потерпевшим от преступления,— с другой. При этом, чтобы придать изложению известную стройность, будем придерживаться следующей последовательности: вначале рассмотрим вопросы, касающиеся производства следственных действий, нацеленных на получение от потерпевшего доказательственной информации, выраженной в словесной (устной) форме, затем — вопросы, возникающие в связи с обнаружением и изъятием объектов, относящихся к категории вещественных доказательств[31].

Старейшим, можно сказать, классическим и самым распространенным следственным действием, связанным с получением доказательственной информации в вербальной форме, является допрос. Однако в нашем действующем уголовно-процессуальном законодательстве далеко не все аспекты этого следствен-

---

[31] Следует иметь в виду, что приведенная градация во многом условна. Жесткая, безусловная дифференциация следственных действий на две группы: а) при производстве которых «только говорят» и б) при производстве которых «только смотрят», с развитием уголовно-процессуальной теории, криминалистической техники и следственной тактики устарела и не может быть признана правильной.

ного действия урегулированы достаточно последовательно, полно и точно.

Складывается парадоксальное положение. Известно, что именно советским процессуалистам и криминалистам принадлежит бесспорный приоритет в разработке и обосновании самых демократических и гуманных уголовно-процессуальных концепций, теоретических разработок и конкретных предложений, реально гарантирующих гражданам — участникам уголовно-процессуальной деятельности — охрану и соблюдения их прав, свобод и законных интересов. Эти концепции восприняты и проводятся в жизнь в практической деятельности прокурорско-следственных и судебных органов по выполнению задач уголовного судопроизводства не только в нашей стране, но и в зарубежных социалистических странах. Назовем лишь некоторые из этих положений: презумпция невиновности, последовательно действующая во всех стадиях советского уголовного процесса; отношение к признанию обвиняемого как к рядовому доказательству, которое без подтверждения другими объективными фактическими данными не может быть положено в основу обвинения; оптимальная процедура допроса, соответствующая режиму социалистической законности, согласно которой свидетелю (потерпевшему) не может быть вменена правовая обязанность давать показания, если это в определенной степени затрагивает его личные интересы и интересы его близких родственников (иммунитет свидетеля); порядок постановки допрашиваемому вопросов, которые должны ставиться ясно и понятно, в них не должно выдуманное представляться существующим («следственные хитрости», «следственные ловушки»); положение, согласно которому при нарушении надлежащей процедуры показания должны считаться недействительными, и т. д. В то же время в социалистических зарубежных странах многие нормы процессуального закона, касающиеся правового статуса обвиняемого, потерпевшего, свидетеля и других участников уголовного процесса, сформулированы более четко и полнее отражают характер общественных отношений между отдельными участниками уголовного процесса и органами следствия и суда как государственными правоохранительными и правоприменительными органами.

Приведем несколько примеров. Уголовно-процессуальное законодательство Венгерской Народной Республики называет условия, при наличии которых вступает в силу иммунитет свидетеля, и он освобождается от правовой обязанности давать показания (§ 65—66 УПК ВНР). Это положение распространяется и на процессуальную фигуру потерпевшего. Последний,

в частности, при тех же условиях освобождается от обязанности подвергнуться освидетельствованию и содействовать производству судебной экспертизы (ч. I, § 73, УПК ВНР).

На Кубе отдельные положения процедуры допроса регламентирует конституционная норма: «Каждый обвиняемый имеет право на защиту. Не допускается ни насилие, ни какое-либо принуждение в отношении лиц с тем, чтобы заставить их дать показания. Любые показания, полученные при несоблюдении этого положения, считаются недействительными, а лица, виновные в этом, подвергаются наказаниям, предусмотренным законом» (ст. 58 Конституции Республики Куба).

В уголовно-процессуальном кодексе Чехословацкой Социалистической Республики заслуживает внимание норма, регламентирующая порядок допроса обвиняемого. В ней, в частности, записано: «Вопросы должны ставиться ясно и понятно без приведения обманчивых и ложных обстоятельств, в них не должно содержаться подсказывание ответов» (ч. 3, § 92 УПК ЧССР).

Уголовно-процессуальные законы зарубежных социалистических стран большое внимание уделяют предписаниям, связанным с освидетельствованием граждан, необходимостью получить для последующего сравнительного исследования продукты жизнедеятельности их организма (кровь, и др.) и другими подобными действиями.

Регламентируется порядок и условия дактилоскопирования, фотографирования, направления обвиняемого для опознания и на психологические и психиатрические исследования (§ 1 ст. 65 УПК ПНР). Рассматривается вопрос о возможности принудительного освидетельствования (только в отношении обвиняемого) и иных подобных действий с целью обеспечить производство экспертных исследований (ч. 2, § 73 УПК ВНР) и т. д.

Задача совершенствования уголовно-процессуального законодательства, что непосредственно вытекает из факта принятия Конституции СССР в 1977 году, разумеется, не должна быть сведена к заимствованию тех или иных форм, действующих за рубежом. Однако критическое осмысливание и использование накопленного там положительного опыта для советских юристов не только не противопоказано, но и может оказаться полезным. Что же касается самой тенденции, отчетливо проявившейся в законодательстве братских стран социализма: не избегать «острых» вопросов, связанных с возможным ограничением прав и свобод граждан — участников уголовного процесса, а предельно полно и точно разрешать их нормативно, то ее положительное значение для дальнейшей демократизации нашего

уголовно-процессуального закона совершенно очевидно. «Недостаточная урегулированность общественных отношений, неопределенность предписаний закона, их противоречивость,— обоснованно подчеркивает Л. М. Карнеева,— могут привести к отрицательным последствиям. Именно поэтому стабильность законов не исключает внесение в них дополнений и изменений, продиктованных потребностями жизни»[32].

Отмечаемая процессуалистами недостаточная урегулированность общественных отношений в сфере уголовного процесса применительно к правилам допроса потерпевшего выражается прежде всего в отсутствии должной унификации этого следственного действия в УПК союзных республик.

Уголовно-процессуальный закон РСФСР предусматривает не только право потерпевшего, но и его обязанность дать правдивые показания лицу, производящему дознание, следователю, прокурору, суду сообщить все известное ему по делу и ответить на поставленные вопросы (ст. 53, 75 УПК РСФСР). За отказ или уклонение от дачи показаний потерпевший несет ответственность по ст. 192 УК РСФСР, а за дачу заведомо ложных показаний по ст. 181 УК РСФСР.

Иное правовое положение лица, которому преступлением причинен моральный, физический или имущественный вред, по УПК УССР. Процессуальный закон этой союзной республики исходит из того, что давать показания — это только право потерпевшего, но не его обязанность (ст. 49, 171 УПК УССР). Уголовный закон предусматривает ответственность потерпевшего за дачу заведомо ложных показаний (ст. 178 УПК УССР) и не знает такого состава преступления, как отказ потерпевшего или уклонение от дачи показаний.

Таким образом, согласно УПК РСФСР нежелание потерпевшего давать показания рассматривается как его незаконный интерес, а по УПК УССР — как законный интерес, хотя очевидно, что желание потерпевшего отказаться (уклониться) от дачи показаний может быть вызвано его стремлением воспрепятствовать установлению истины, независимо от того, на территории какой союзной республики производится расследование (судебное разбирательство) дела.

Объяснить такое разночтение какими-либо национальными особенностями названных союзных республик вряд ли возможно. Полагаем, однако, что позиция УПК УССР по указанному воп-

---

[32] Карнеева Л. М. Совершенствование законодательства, регламентирующего деятельность следствия.— В кн.: Укрепление законности деятельности следователей в свете Конституции СССР. М., 1979, с. 3.

росу более гуманна и поэтому предпочтительнее. Решать же этот вопрос в плане совершенствования уголовно-процессуального законодательства в свете Конституции СССР 1977 года следует, увязывая его с нормативным закреплением свидетельского иммунитета.

Не менее разноречиво регламентировано участие специалиста (специалистов) в производстве следственных действий.

Следователь, производящий расследование на территории РСФСР, вправе пригласить специалиста для участия в производстве следственных действий только тогда, когда это предусмотрено Кодексом (ст. 133-1 УПК РСФСР). Участие специалиста в допросе свидетеля, потерпевшего и других лиц УПК РСФСР не предусмотрено (исключение составляет допрос несовершеннолетнего с участием педагога — ст. 159 УПК РСФСР).

Согласно же ст. 128-1 УПК УССР специалист может быть приглашен для участия в производстве любого следственного действия по усмотрению следователя. Таким образом, следователь имеет законное основание приглашать специалиста для участия в допросе потерпевшего и других лиц.

Полагаем, что позиция УПК РСФСР по этому вопросу предпочтительнее.

Допрос чрезвычайно «деликатное» следственное действие, требующее предельно спокойной, доверительной обстановки. Многое здесь решает психологическая атмосфера, характер контакта между допрашивающим и допрашиваемым. Участие третьих лиц при допросе в этом плане чаще всего отрицательно влияет на его результаты.

С учетом этого обстоятельства дальнейшее совершенствование норм, регламентирующих порядок допроса, и прежде всего определяющих общие условия проведения этого следственного действия, должно, по нашему мнению, идти по пути введения ряда четких предписаний, запретов. Среди них целесообразно, в частности, предусмотреть запрет присутствовать при допросе кому бы то ни было, кроме тех лиц, которые имеют на это право в силу прямого указания закона (прокурор, осуществляющий надзор за расследованием дела, законный представитель несовершеннолетнего свидетеля и др.)[33].

Следственная и судебная практика свидетельствует о том, что любой, казалось бы, «невинный» нажим на допрашиваемого, попытка сформировать у него ошибочное представление относительно доказательств, которыми располагает следователь,

---

[33] Такую норму содержит УПК Венгерской Народной Республики.

и фактического их значения для расследуемого дела легко приводят к самооговору, оговору, иным ложным показаниям и нежелательным последствиям. Отсюда задача — урегулировать соответствующие вопросы в нормативном порядке. Такое урегулирование, как мы считаем, должно предусмотреть более полное и точное указание предмета допроса и потерпевшего, и подозреваемого, и свидетеля, и других лиц, вовлекаемых в сферу уголовного судопроизводства. Следует также предписать ставить вопросы допрашиваемому только в связи с необходимостью уточнить и дополнить данные им показания и сформулировать запрет не только ставить наводящие вопросы, но и вопросы двусмысленные, связанные с приведением обманчивых и ложных обстоятельств (по аналогии с ч. 3, § 92 УПК ЧССР).

Зрелищность противопоказана допросу. Между тем потерпевшему, подсудимому и другим лицам приходится давать показания в условиях открытого, гласного судебного разбирательства. Нередко это происходит перед обширной аудиторией.

Председательствующий в судебном заседании и состав суда в целом имеют в своем распоряжении немало действенных средств, чтобы в случае необходимости нейтрализовать отдельные отрицательные моменты, связанные с публичностью допроса в судебном заседании (удаление нарушителей порядка из зала судебного заседания — ст. 263 УПК РСФСР; рассмотрение дела в закрытом судебном заседании — ст. 18 УПК РСФСР; допрос несовершеннолетнего потерпевшего в закрытом судебном заседании и др.). Следует, однако, использовать эти возможности в полной мере и не допускать акций, идущих в ущерб целям и задачам уголовного судопроизводства.

В последние годы в ряде мест практикуется фиксация судебных процессов представителями прессы и других органов массовой коммуникации с помощью различного рода технических средств, имеющихся в их распоряжении (звукозапись, видеозапись, киносъемка, фотографирование). Нет сомнений — если приговор суда и обстоятельства самого судебного процесса довести до сведения широкой общественности, воспитательное воздействие судебного разбирательства дела значительно возрастет. Но в каждом случае делать это следует не во вред самому судебному процессу. Свет юпитеров, работа кинооператоров и сотрудников, обслуживающих телевизионную аппаратуру, мягко говоря, не способствуют созданию деловой и спокойной обстановки, так необходимой для работы суда и, в частности, для проведения допроса подсудимого, потерпевшего и свидетелей.

По нашему мнению, настало время принять специальную норму, запрещающую звуко-видео- и фотофиксацию судебных процессов, а также телепередачи из зала суда [34].

Не следует оставлять без внимания и вопросы, связанные с фиксацией показаний с помощью технических средств органами следствия и суда, поскольку и в этих случаях сочетание государственно-властного начала с системой прав и гарантий личности в уголовном судопроизводстве должно быть тщательно продумано и найти должное отражение в процессуальном законе. В этом плане положительным было бы принятие нормы следующего содержания: помимо ведения протокола показания допрашиваемого лица могут стенографироваться или записываться с помощью звукозаписывающей техники. Фиксация хода допроса с помощью видео-кино-фотоаппаратуры допускается только по просьбе допрашиваемого или при его прямо выраженном на то согласии.

В связи со все более широким обсуждением проблемы использования при допросе полиграфа и других приборов, фиксирующих физиологические изменения в организме допрашиваемого, с целью механическим путем «распознать лживые ответы» целесообразно также принять норму, в которой четко сформулировать соответствующие положения советской процессуальной науки по этим вопросам: никого не следует принуждать к даче показаний — они должны быть даны добровольно, без какого-либо насилия над личностью, выраженного в прямой или косвенной форме. Запрещается использовать приборы, улавливающие физиологические изменения в организме допрашиваемого, как и любые иные меры, направленные на получение показаний помимо его воли. Показания, полученные с нарушением установленных правил допроса, признаются недействительными.

Хорошо известно, что успешное расследование ряда тяжких преступлений — прежде всего посягательств на половую неприкосновенность, жизнь и здоровье граждан — связано с производством экспертных исследований, которые возможны лишь

---

[34] Такие нормы действуют в уголовно-процессуальном законодательстве ряда стран. «С момента начала судебного разбирательства запрещается пользоваться любой радиоаппаратурой, любой аппаратурой для звукозаписи или воспроизведения записи и кинематографическими камерами и фотоаппаратами под угрозой штрафа в размере от 300 до 90 000 франков» (ст. 308 УПК Французской Республики).

В США существует «Свод правил судебной этики». В одном из пунктов этого документа сформулировано запрещение производить видеозапись или фотографирование хода процесса, а также телепередачи из зала суда (п. 35 Свода правил судебной этики).

при условии, если специалистам представлены в качестве образцов для сравнительного исследования те или иные продукты жизнедеятельности организма потерпевшего, подозреваемого, а иногда и свидетелей. Возникает необходимость освидетельствовать названных участников процесса, дактилоскопировать их, направить для производства судебно-медицинской и судебно-психиатрической экспертизы, а в отдельных случаях нужны и более сложные, даже небезопасные, действия (например, операция по извлечению огнестрельного снаряда, оставшегося в теле потерпевшего, после его выздоровления). Диапазон таких действий, существенно затрагивающих личные интересы названных участников уголовного судопроизводства, еще более расширяется в связи с использованием в уголовно-процессуальном доказывании различного рода микроследов — качественно новой (в криминалистическом аспекте) категории вещественных доказательств, значение которых в последние годы возрастает.

Практическое осуществление указанных действий наталкивается на ряд трудностей не только технического, но прежде всего морально-этического характера. Это положение усугубляется, так как в законе отсутствуют четкие указания относительно возможности освидетельствовать потерпевшего, свидетеля и других лиц, направить их на психиатрическую или психологическую экспертизу и получить от них образцы (пробы) для сравнительного исследования в случаях, когда они отказываются претерпеть и выполнить необходимые для этого действия. Эти пробелы уголовно-процессуального законодательства, очевидно, следует устранить, руководствуясь конституционными положениями об основных правах, свободах и обязанностях граждан СССР.

Оказание гражданами помощи правосудию Конституция СССР 1977 года облекла в форму их конституционной обязанности, установив, что каждый гражданин обязан быть непримиримым к антиобщественным поступкам, всемерно содействовать охране общественного порядка (ст. 65 Конституции СССР).

Практика показывает, что этот свой долг граждане в подавляющем большинстве случаев выполняют добросовестно и добровольно. И тем не менее полностью отказаться от мер уголовно-процессуального принуждения в отношении лиц, которые в процессе производства по делу отказываются от выполнения возложенных на них законом обязанностей, еще было бы преждевременно. Однако при конструировании соответствующих норм, включающих элементы возможного принудительного воз-

действия, необходим дифференцированный подход к отдельным категориям граждан, в зависимости от их процессуального положения (потерпевший, свидетель, обвиняемый и др.).

Следует также иметь в виду, что мерами принудительного характера далеко не всегда возможно достичь предусмотренного правовой нормой результата: не трудно, к примеру, доставить приводом потерпевшего или свидетеля, отказывающегося явиться по вызову следователя, но потерпевшего помимо его воли нельзя заставить писать текст под диктовку следователя, чтобы получить экспериментальные образцы его почерка и т. д.[35]

Кроме того, нельзя не учитывать, что во многих случаях нежелание потерпевшего, свидетеля или других лиц подвергнуться неприятной для них процедуре (например, позволить взять для анализа пробу крови) или оказаться в нежелательной ситуации (предъявление для опознания) не могут сколько-либо серьезно повлиять на ход расследования: те же результаты можно достичь и иным путем, помимо их согласия на это (групповую принадлежность крови установить, направив на биологическое исследование предметы одежды потерпевшего со следами его пота или иных выделений организма; для опознания направить не самого свидетеля, а его фотоизображение и т. д.). Для таких случаев предусматривать возможность принудительного исполнения предписаний процессуального закона или штрафные санкции за невыполнение этих предписаний вряд ли целесообразно.

Нельзя не признать также, что принудительные меры процессуального характера, связанные с хирургическим вмешательством, недопустимы, независимо от процессуального положения освидетельствуемого. По вполне понятным причинам такое вмешательство может иметь место только в случаях, когда такая операция не представляет собой угрозы для здоровья освидетельствуемого, а также только при добровольно выраженном на то согласии последнего.

Наконец, надо принять во внимание, что по социалистической морали и этики ряд действий принудительного характера не могут быть применимы в отношении потерпевшего и свидетелей в силу их процессуального положения. «Правосудие,— обоснованно, на наш взгляд, указывала В. И. Каминская,— не может мириться с тем, что даже ради раскрытия преступления можно допускать такую оскорбляющую человеческое достоин-

---

[35] В общей теории права принято считать, что мерами принудительного исполнения обеспечивается выполнение обязанностей, имеющих «внешний объект».— См.: Лейст О. Э. Санкции в советском праве. М. 1962, с. 110.

ство меру, как принудительная психиатрическая экспертиза по отношению к гражданину, совершенно не причастному к преступлению (поскольку он не является ни подозреваемым, ни обвиняемым). То же следует сказать и о принудительном освидетельствовании таких лиц»[36].

Установленный законом порядок применения мер процессуального принуждения должен максимально ограничивать ущемление прав и интересов личности. Закон должен также содержать гарантии того, что унижение достоинства граждан, оглашение сведений об их личной жизни и иных данных интимного характера не будут иметь места, а материальный ущерб, причиненный им в процессе собирания и исследования средств доказывания, государство полностью возместит.

Суммируя изложенное, полагаем возможным выдвинуть предложение de lege ferenda принять текст ст. 186 УПК РСФСР в следующей редакции.

Статья 186. Обязанность оказывать содействие при производстве экспертизы. Подозреваемый (обвиняемый, подсудимый), потерпевший и свидетели, если это будет признано необходимым в установленном настоящим законом порядке, должны перенести освидетельствование и претерпеть обследования в процессе производства медицинской или других видов судебной экспертизы, а также способствовать исследованию представлением образцов для сравнительного анализа, в том числе проб крови и иных продуктов жизнедеятельности организма и других данных.

Примечание 1. Исследования, которые связаны с хирургическим вмешательством, а также действия, расцениваемые как операция, возможны только, если это не представляет угрозы для здоровья освидетельствуемого и при его добровольно выраженном на то согласии.

Примечание 2. Если подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) отказывается перенести освидетельствование или претерпеть указанные действия добровольно, а иным путем невозможно или затруднительно получить доказательства для правильного разрешения дела, могут быть применены принудительные меры, о чем составляется протокол.

Примечание 3. В отношении потерпевшего и свидетелей принудительные меры не применяются. Потерпевшему, однако, может быть разъяснено, что его отказ перенести освидетельствование или претерпеть указанные действия противоречит его

[36] Каминская В. И. Охрана прав и законных интересов граждан в уголовно-процессуальном праве.— Советское государство и право, 1968, № 10, с. 32.

интересам, связанным с установлением и разоблачением преступника, о чем составляется протокол.

Примечание 4. Государственный орган, принявший решение о производстве освидетельствования или иных указанных действий, обязан принять все зависящие от него меры для того, чтобы не допустить разглашения сведений интимного характера, которые при этом были выявлены. Тот же орган возмещает в полном объеме материальный ущерб, причиненный названным лицам в процессе освидетельствования или иных указанных действий.

ИССЛЕДОВАНИЕ ТРУПА И УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ ФОРМА

Исследование трупа в процессе расследования дел об убийстве — один из сложных и ответственнейших этапов предварительного следствия, результаты которого нередко предопределяют исход дела в целом.

Преодоление определенных негативных моментов психологического плана; умение, оценивая обстановку места происшествия, мыслить не шаблонно, а широко, раскованно и диалектично; глубокие знания в области судебно-медицинской науки; необходимость организовать и координировать взаимодействие представителей ряда служб различных ведомств — далеко не полный перечень требований, характеризующих сложность работы следователя в указанных условиях.

Что же касается повышенной ответственности следователя при исследовании трупа, отметим лишь одно: труп и материальная обстановка места его обнаружения (места преступления) — средоточие важнейшей доказательственной информации о событии преступления. Система эта далеко не статична. По многим криминалистическим важным параметрам она видоизменяется, преобразуется и разрушается со скоростью, пропорциональной квадрату времени, прошедшему с момента смерти потерпевшего. В результате ошибки следователя легко могут обернуться навсегда утраченными возможностями установить истину, найти и разоблачить преступника.

Значение уголовно-процессуальных норм, регламентирующих действия следователя (специалиста, эксперта и других лиц), связанные с исследованием трупа, в этих условиях особенно велико. Но и здесь не все вопросы урегулированы еще достаточно полно и точно, что не может не сказаться отрицательно на практике. Некоторые из этих вопросов мы рассмотрим, отдав предпочтение тем, которые наиболее значимы в практи-

ческом отношении и в то же время дискуссионны в теории: о едином порядке процессуального реагирования на случаи насильственной смерти; о судебно-медицинском исследовании трупа только после возбуждения уголовного дела и только по постановлению следователя (определению суда); о юридической квалификации действий, вызвавших наступление смерти, как исключительной компетенции органов следствия и суда; о производстве судебно-медицинской и других видов экспертизы непосредственно на месте обнаружения трупа и др.

Уголовно-процессуальный закон обязывает суд, прокурора, следователя и орган дознания в пределах своей компетенции возбуждать уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления и принимать все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию (ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик).

Таким образом, законодатель установил единое основание для возбуждения уголовного дела (факт обнаружения признаков преступления) и не связывает решение этого вопроса с какими-либо особенностями в зависимости от признаков того или иного конкретного состава преступления. Отсюда следует, что и решение вопроса о возбуждении уголовного дела в связи с фактом насильственной смерти [37] человека подчиняется тем же самым требованиям: имеются признаки, позволяющие допустить факт совершения преступления (умышленное убийство; нарушение правил техники безопасности, повлекшие наступление смерти; доведение до самоубийства и т. д.),— следователь (суд) обязан возбудить уголовное дело; не установлены такие признаки — уголовное дело не может быть возбуждено.

Придавая должное значение своевременному и обоснованному возбуждению уголовных дел в связи с сообщениями о фактах насильственной смерти граждан, Прокуратура СССР неоднократно обращалась к этому вопросу, давала соответствующие разъяснения.

Так, Генеральный Прокурор СССР своим указанием № 3/114 от 19 июня 1954 года обязал следователей при наличии данных о самоубийстве и о других случаях насильственной

---

[37] По причинам, обусловливающим наступление смерти, различают: смерть ненасильственную — она включает смерть естественную (физиологическую), смерть преждевременную, последовавшую от болезней; смерть насильственную, т. е. смерть от различного рода внешних воздействий.

смерти граждан возбуждать уголовные дела без каких-либо предварительных проверок и производить следствие[38].

Указанием Генерального Прокурора СССР № 3/61 от 17 августа 1962 года следователям предлагалось при решении вопроса о возбуждении уголовных дел в случаях насильственной смерти граждан (самоубийств в том числе) руководствоваться ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик. Подчеркивалось, что названная норма закона обязывает возбуждать уголовное дело в каждом случае обнаружения признаков преступления, принимать все предусмотренные законом меры к установлению события преступления, лиц, виновных в совершении преступления, и к их наказанию[39].

Указание заместителя Генерального Прокурора СССР № 3/Н-28 от 7 марта 1969 года было специально посвящено вопросу о возбуждении уголовных дел о самоубийствах граждан. В этом документе записано: «При установлении фактов насильственной смерти с признаками самоубийства и вытекающими в этом случае, как правило, версиями о возможном доведении до самоубийства, замаскированном убийстве или совершении самоубийства с целью избежать ответственности за какое-либо преступление, проверка которых возможна путем проведения экспертизы, обыска и других следственных действий,— рассматривать такие данные как достаточные основания для немедленного возбуждения уголовного дела»[40].

Не трудно убедиться, что позиция Прокуратуры СССР относительно порядка процессуального реагирования на случаи насильственной смерти не всегда была одинакова, но при этом последовательно особое внимание уделялось случаям самоубийства.

Но самоубийство само по себе не преступление[41]. Уголовное же дело возбуждается, чтобы установить, не сопутствуют ли этому факту доведение до самоубийства или иные преступления, в том числе замаскированные под самоубийство. Однако

---

[38] См.: Сборник действующих приказов и инструкций Генерального Прокурора СССР. М., 1958, с. 34.

[39] Там же, 1966, с. 141.

[40] Там же, 1971, с. 230.

[41] «Самоубийство не представляет интереса для криминологии, ибо это самостоятельное явление общественной жизни. Причина его весьма специфична, часто связана с психическим расстройством, что представляет интерес для медицинской науки. Эти причины сугубо индивидуальны и никакого отношения к преступности не имеют, хотя налицо не естественная, а насильственная смерть».— Карпец И. И. Современные проблемы уголовного права и криминологии. М., 1976, с. 133.

аналогичные версии, в частности, о замаскированном убийстве, могут иметь место и при других видах насильственной смерти.

Не вызывает сомнений, что тщательный анализ обстановки места обнаружения трупа (места происшествия) с признаками насильственной смерти и исследование такого трупа необходимы в каждом случае. Отсюда следует, что, получив сообщение о факте насильственной смерти, следователь обязан с участием судебного врача произвести осмотр места происшествия и трупа; уголовное дело он возбуждает и приступает к расследованию в соответствии с требованиями ст. 3 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик.

Указания Прокуратуры СССР не разрешили вопроса о том, как должен поступать следователь, если он не обнаружил достаточных данных, указывающих на признаки преступления. Ознакомление с практикой процессуального реагирования на случаи насильственной смерти в ряде областей РСФСР убеждает, что этот вопрос не везде и не всегда решается единообразно и в соответствии с уголовно-процессуальными предписаниями. Между тем, в соответствии с требованиями ст. 109 УПК РСФСР, следователь в указанных случаях обязан вынести мотивированное постановление об отказе в возбуждении уголовного дела.

Полагаем также, что следователь должен дать юридическую оценку происшедшему событию: несчастный случай, не связанный с производством; несчастный случай на производстве; самоубийство и др. Это важно, поскольку такая оценка необходима для оформления врачебного свидетельства о смерти — основного документа, фиксирующего все данные об умершем, необходимые для рассмотрения и урегулирования многочисленных гражданско-правовых отношений. Оформление и выдача названного свидетельства родственникам умершего или иным заинтересованным лицам лежит на обязанности органа здравоохранения, куда труп был препровожден для патологоанатомического вскрытия.

Отметим, что трупы лиц, погибших в результате насильственной смерти, или при подозрении на это, подлежат, как правило, вскрытию. Такой порядок предусмотрен ст. 5 «Инструкции о порядке заполнения врачебных свидетельств о смерти», утвержденной приказом министра здравоохранения СССР № 85 от 12 февраля 1966 года.

Вскрытие трупа возможно или в рамках задач, решаемых патологоанатомической службой (если в возбуждении уголовного дела компетентными органами было отказано), или как судебно-медицинское исследование (если уголовное дело воз-

буждено и вынесено постановление о судебно-медицинской экспертизе трупа). Такая дифференциация обусловливается только упомянутыми различиями в процессуальном реагировании на случаи насильственной смерти со стороны прокурорско-следственных органов и ни в коей мере не связана с решением вопроса, в каком медицинском учреждении и кто именно будет производить вскрытие. Таким образом, если труп препровожден для вскрытия в бюро судебно-медицинской экспертизы, но в возбуждении уголовного дела было отказано и соответственно судебно-медицинская экспертиза не была назначена, нет никаких оснований говорить о судебно-медицинском исследовании трупа, хотя вскрытие трупа и производит судебный медик, занимающий должность судебно-медицинского эксперта,— налицо патологоанатомическое вскрытие трупа.

Если в процессе патологоанатомического исследования трупа будут установлены данные, свидетельствующие о криминальном характере наступившей смерти,— патологоанатомическое исследование трупа должно быть приостановлено; о выявленных фактах немедленно извещается прокурор; в случае возбуждения уголовного дела и вынесения постановления о назначении судебно-медицинской экспертизы, дальнейшее исследование трупа происходит в процессуальном режиме судебной экспертизы.

К сожалению, приходится констатировать, что приведенные положения, вытекающие из требований уголовно-процессуального закона, не всегда учитываются в полной мере. В данном случае мы имеем в виду «Инструкцию о производстве судебно-медицинской экспертизы в СССР», утвержденной приказом Министерства здравоохранения СССР № 694 от 21 июля 1978 года.

Совершенно правильно отметив, что судебно-медицинская экспертиза производится по постановлению лица, ведущего дознание, следователя, прокурора, а также по определению суда, авторы этого документа далее пишут: «По мотивированному письменному поручению органов дознания, следователя, прокурора, суда могут производиться судебно-медицинские исследования и судебно-медицинские освидетельствования с целью выявления признаков, служащих основанием для возбуждения уголовного дела»[42].

В непоследовательности авторов названной инструкции, в игнорировании ими требований уголовно-процессуального закона убедиться нетрудно.

[42] Инструкция о порядке заполнения врачебных свидетельств о смерти, ст. 2.1.

Первый тезис, согласно которому судебно-медицинская экспертиза производится только по постановлению прокурорско-следственных органов и по определению суда, т. е. в связи с уголовным делом, находящимся в производстве указанных государственных органов, полностью соответствует закону (ч. 2 ст. 109 УПК РСФСР). Однако здесь же утверждается, что судебно-медицинские исследования (исследование трупа, надо полагать, в том числе), а также судебно-медицинские освидетельствования возможны и до возбуждения уголовного дела. Последняя рекомендация перечеркивает первое, правильное утверждение, поскольку, хотя и в несколько завуалированной форме, но фактически допускает до возбуждения уголовного дела производство следственных действий (судебно-медицинские исследования, судебно-медицинские освидетельствования)[43]. Такое ориентирование следственной практики не может не вызвать самых серьезных возражений — со стороны представителей органов здравоохранения нет и не может быть «судебных» действий до начала уголовного процесса, вне уголовного процесса, а также без соблюдения предусмотренных процессуальным законом условий и форм.

Не способствует хорошей прокурорско-следственной практике, связанной с исследованием трупов лиц, умерших насильственной смертью, все еще не решенный до конца вопрос о праве судебного медика определять так называемый «род смерти» (убийство, самоубийство, несчастный случай). Постановление Пленума Верховного Суда СССР № 1 от 16 марта 1971 года «О судебной экспертизе по уголовным делам» положило конец затянувшейся дискуссии, истоки которой имеют более чем вековую давность[44]. Высший судебный орган страны подчеркнул, что вопросы, поставленные перед экспертом, и его заключение по ним не могут выходить за пределы специальных познаний лица, которому поручено проведение экспертизы (ст. 78 УПК РСФСР и соответствующие статьи УПК других союзных республик). Суды не должны допускать постановку перед экспер-

---

[43] Основные вопросы, связанные с дискуссией о целесообразности допустить производство следственных действий до возбуждения уголовного дела, рассмотрены нами ранее.— См.: Шиканов В. И. Актуальные вопросы уголовного судопроизводства и криминалистики в условиях современного научно-технического прогресса. Иркутск, 1978, с. 55—60.

[44] Наша позиция по этому вопросу с подробным изложением его истории нашла свое отражение в ряде ранее изданных работ.— См.: например, Шиканов В. И. Использование специальных позиций при расследовании убийств. Иркутск, 1976, с. 39—58.

том правовых вопросов, как не входящих в его компетенцию (например, имело место убийство или самоубийство и т. п.)[45].

Казалось бы, все ведомственные разъяснения и инструкции, находящиеся в противоречии с приведенным руководящим разъяснением Пленума Верховного Суда СССР, должны быть отменены, пересмотрены и приведены в соответствие с действующим уголовно-процессуальным законодательством. До сих пор, однако, этого не сделано.

Мы уже отмечали, что судебно-медицинский эксперт как должностное лицо бюро судебно-медицинской экспертизы, выполняя свои служебные обязанности, в каждом случае вскрытия трупа выдает родственникам покойного или лицам, производящим захоронение умершего, официальное врачебное свидетельство о смерти. При этом, в соответствии с упоминавшейся «Инструкцией о порядке заполнения врачебных свидетельств о смерти» он должен указать, имело ли место заболевание, несчастный случай вне производства или в связи с производством, самоубийство, убийство[46].

Таким образом, судебно-медицинский эксперт (процессуальная фигура) не имеет права решать вопросы правового характера, но ему же как врачу — представителю органа Министерства здравоохранения СССР предписывается такие вопросы рассматривать. Алогичность ситуации очевидна.

Действующий уголовно-процессуальный закон, как известно, предусмотрел обязательное проведение экспертизы для установления причин смерти (ст. 79 УПК РСФСР).

Данные судебно-медицинской науки и практики позволяют утверждать, что структура процесса установления причины смерти и обоснования соответствующего экспертного вывода сложна и, как минимум, включает в себя следующие подцели:

а) обнаружение признаков, позволяющих дифференцировать факт смерти лица, труп которого исследуется, под одной из двух рубрик: насильственная смерть, ненасильственная смерть. По отношению к категориальному понятию судебно-медицинской науки «смерть человека» каждая из названных рубрикаций в соответствии с законами логики выступает в качестве родового понятия, указывает род смерти;

б) выяснение характера внешних воздействий, вызвавших смерть (вид смерти). Учитывая близкие по своим параметрам

[45] См.: Постановление Пленума Верховного Суда СССР «О судебной экспертизе по уголовным делам» № 1 от 16 марта 1971 года, п. 11.— Бюллетень Верховного Суда СССР, 1971, № 2.

[46] См.: Инструкция о порядке заполнения врачебных свидетельств смерти, ст. 6, ч. 2.

внешние воздействия, которые могут вызвать наступление смерти, современная судебно-медицинская наука дифференцирует родовое понятие «насильственная смерть» на следующие виды: смерть от механических повреждений; смерть от механически вызванного кислородного голодания; смерть от воздействия ядовитых веществ (отравлений); смерть от высокой и низкой температуры; смерть от атмосферного и технического электричества; смерть от высокого и низкого барометрического давления; смерть от воздействия радиоактивных веществ; смерть от голода и жажды; смерть от физического перенапряжения; смерть от психической травмы;

в) установление изменений, происшедших в организме в связи с указанными внешними воздействиями (причина смерти). Здесь следует иметь в виду, что в результате одних и тех же внешних воздействий на организм человека причина смерти у разных лиц может оказаться различной. Так, при механическом повреждении тела смерть может последовать и от большой кровопотери, и в результате рефлекторной остановки сердца, и от сдавления мозга кровью, излившейся в полость черепа, и т. д.

Последовательность выяснения соответствующих данных с учетом конкретных обстоятельств может оказаться различной. Однако всегда их взаимосвязи и взаимозависимости настолько тесны и неразрывны, что в любом случае судебно-медицинского или патологоанатомического исследования трупа немыслимо установление причины смерти без уяснения ее рода (насильственная, ненасильственная) и ее вида в том значении этих терминов, о котором уже указывалось.

Учитывая изложенное, полагаем, что многие недоразумения, связанные на практике с разночтением понятия «род смерти», будут предотвращены, если в текст уголовно-процессуального закона внести некоторые редакционные изменения и дополнения. Конкретно наше предложение de lege ferenda касается первого пункта ст. 79 УПК РСФСР и сводится к следующему:

Статья 79. Обязательное проведение экспертизы. Проведение экспертизы обязательно: 1) для установления рода смерти (насильственная, ненасильственная), ее вида, обусловленного внешними воздействиями, вызвавшими наступление смерти, а также для определения причины смерти, характера и тяжести телесных повреждений...

Криминалистами и судебными медиками накоплено немало ценных наблюдений и разработаны многочисленные предложения, направленные на то, чтобы в каждом случае насильствен-

ной смерти обеспечить исследование трупа погибшего на уровне самых высоких требований. Многие из таких рекомендаций нашли свое нормативное закрепление в ведомственных приказах и инструкциях. Однако разобщенность рекомендаций, незначительный тираж соответствующих материалов и отсутствие повторных изданий существенно затрудняет их использование, и эффективность таких документов невелика.

Так, Министерство здравоохранения СССР в приложении к своему приказу № 166 от 10 апреля 1962 года опубликовало «Правила направления, приема, порядка исследования, хранения и выдачи трупов в судебно-медицинских моргах». Этими правилами (ст. 2) установлено, что вместе с трупом в морг должны направляться постановление о производстве судебно-медицинской экспертизы и копия протокола осмотра места обнаружения трупа или истории болезни в случае поступления трупа из лечебного учреждения.

Названные правила согласованы с Прокуратурой СССР и МВД СССР, что делает их обязательными для следователей этих ведомств. Между тем, ознакомление с работой бюро судебно-медицинской экспертизы в ряде областей РСФСР показало, что копии протокола осмотра места обнаружения трупа (места происшествия) следователи направляют судебно-медицинскому эксперту в редких, можно сказать, исключительных случаях [47]. Интервьюирование же следователей убеждает, что о существовании названных правил они не знают.

Отдельные указания по ведомству Министерства здравоохранения, имеющие непосредственное отношение к следственной работе, не учитывают в полной мере положения уголовно-процессуального закона и не всегда выдерживают критику с позиций следственной тактики и методики расследования отдельных видов преступлений.

В качестве примера сошлемся на приказ начальника Главного управления лечебно-профилактической службы Министерства здравоохранения от 27 февраля 1978 года № 10—8/21, которым введены в действие «Правила работа врача-специалиста в области судебной медицины при наружном осмотре трупа на месте его обнаружения (происшествия)».

Само появление «Правил...» вызывает недоумение. Как известно, специалист — фигура процессуальная и регламентировать выполнение его процессуальных функций ведомственными

---

[47] Сказанное не относится к следователям органов Прокуратуры и МВД Ленинграда. В Ленинградском городском Бюро судебно-медицинской экспертизы установлен твердый порядок приема трупов в полном соответствии с названными «Правилами...».

приказами задача, по меньшей мере, несостоятельна. Это принципиально. Можно отметить и частности: следователю отводится не свойственная ему роль писаря при враче-специалисте (врач формулирует, а следователь заносит в протокол «позу трупа, положение конечностей, различные следы, предметы, находящиеся на трупе, около него и под ним, состояние поверхности, на которой находится труп»)[48].

Учитывая специфику и особую сложность работы следователя при осмотре и исследовании трупа, целесообразно, по нашему мнению, разработать единый комплекс основных правил, которые бы регламентировали соответствующие действия следователя, специалиста, эксперта и других лиц на уровне процессуального закона. Такие нормы составили бы в УПК специальную главу «Осмотр и исследование трупа». Эта задача требует специального рассмотрения.

---

[48] См.: Правила..., ст. 1.9, ст. 2.1, ст. 2.1.1, ст. 2.1.2 и др.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение 3

Сущность криминалистической виктимологии и генезис ее становления 5

Предмет и структура криминалистической виктимологии . . 10

Функции криминалистической виктимологии 13

Место криминалистической виктимологии в системе научного знания 16

Изучение личности потерпевшего и уголовно-процессуальная форма 22

Исследование трупа и уголовно-процессуальная форма . . . 35

Шиканов Владимир Иванович. Криминалистическая виктимология и практика расследования убийств. УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ.

Редактор Т. Н. Сизых

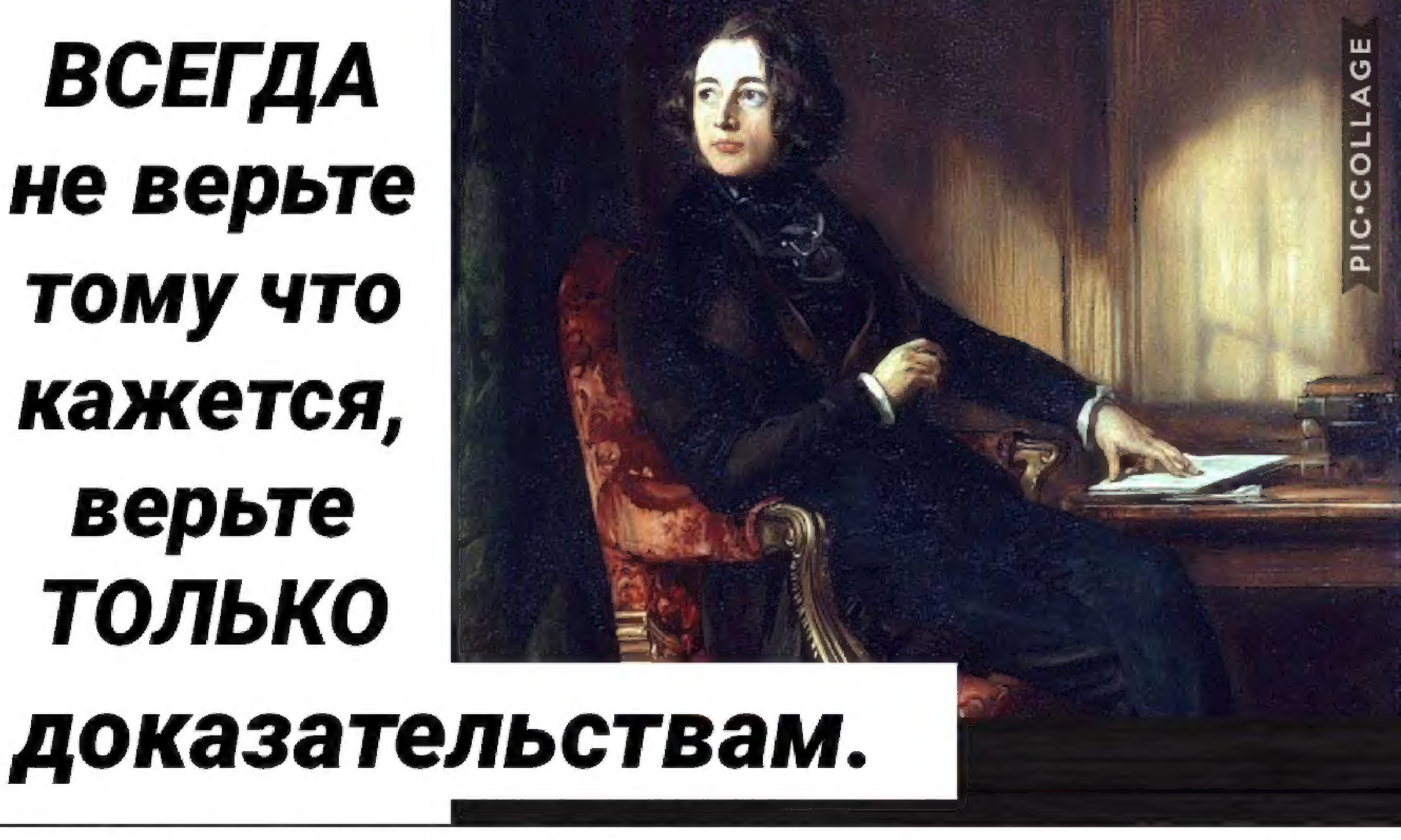
Сдано в набор 13/XII 1979 г. Подписано к печати 26/XII 1979 г.
Формат 60×90 1/16. Усл. печ. л. 3, уч.-изд. л. 3. Тираж 700. НЕ 10419.
Заказ № К-289. Цена 75 коп. Темплан 1979 г., поз. 93.

Редакционно-издательский отдел Иркутского государственного университета им. А. А. Жданова, г. Иркутск, бульвар Гагарина, 36.
Иркутская областная типография № 1 областного управления издательств, полиграфии и книжной торговли, г. Иркутск, ул. К. Маркса, 11.

Цена 50 коп.

Чарльз Диккенс. «Большие надежды» 1861 г.